

ИЕРАРХИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЛЕКСИЧЕСКИХ КОНЦЕНТРАТОРОВ СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА

Файе Фату Диоп

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Россия, 117198
faya2010@mail.ru

В статье рассматривается иерархическая система лексических концентраторов содержания текста, которые будучи частью ЛКМ автора, формируются в процессе творения текста, отражая, с одной стороны, языковую личность автора, а с другой стороны, относятся к творимым автором текста возможным мирам. В этом смысле лексические концентраторы содержания текста синергетичны и склонны к саморазвитию в процессе творчества.

Ключевые слова: лексические концентраторы, лингвокультурный образ, лингвокультурная универсалия, лингвокультурная картина мира, текст, информационная насыщенность, интерпретационное поле

ВВЕДЕНИЕ

Лексические концентраторы занимают важное место в иерархической системе содержания текста. Поэтому необходим анализ их функционирования.

Иерархическая система подразумевает несколько иерархических рядов.

Если попытаться выстроить наличествующие в тексте концентраторы лингвокультурных смыслов в логической последовательности, то получится следующий недетализированный иерархический ряд: ЛК-универсалия → ЛК-образ → ЛКМ (лингвокультурная картина мира).

В означенном ряду ЛК-образ занимает промежуточное место между ЛК-универсалией и ЛКМ. ЛК-образ — это уже не универсалия, но еще не картина мира.

Понимание ЛКМ как динамичной системы ЛК-образов и представлений, определяющих поведение персонажей художественного текста, позволяет связать отдельные ЛК-образы текста не только с ЛКМ данного текста и сопутствующей ЛКС конкретной исторической эпохи, но и со всей ЛКМ этноса, социальной группы, отдельной языковой личности, с их лингвокультурой в целом.

Эти ЛК-образы, объективируемые в лексическом пространстве текста, служат отражением определенных фрагментов целостного этнического ЛК-образа мира, реализуемых в семантике возможных *миров*, в различных типах дискурсов, в различных культурных кодах. Согласно данным «Философского словаря» [10. С. 375], картина мира целиком определяет своеобразие восприятия и интерпретации любых событий и явлений, служит фундаментом действий человека в мире.

Лингвокультурологический подход предполагает принципиальную неразграниченность для нашего сознания лингвистических и энциклопедических знаний; фильтрующая информация роль ЛКМ обнаруживает себя в управлении поведе-

нием человека, своим и чужим, в рефлексии и саморефлексии. По словам Л.С. Выготского, «сознание есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать. И в этом его положительная роль — не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущение), а в том, чтобы не всегда верно отражать, то есть субъективно искажать действительность в пользу организма» [2. С. 347].

Формирование всех структур мозга человека, и древних, и новых, под влиянием его потребностей, мотивационной сферы стало предметом внимания ученых-специалистов по нейронаукам, интересующихся когнитивными проблемами [4].

Если рассматривать контекст в широком лингвокультурологическом плане, как среду бытования языка и его единиц, связь лингвистических и энциклопедических знаний становится еще более очевидной. По словам М. Бахтина, «слово нет забывает своего пути и не может до конца освободиться от власти тех конкретных контекстов, в которые оно входило» [1. С. 418].

Эта память слова отчетливо выступает в случаях рефлексии специалиста, профессионально работающего со словом. Приведем фрагмент переписки Л.К. Чуковской с поэтом Д. Самойловым: «Я старше Вас на 15 лет, и потому дореволюционное словоупотребление помню, а Вы знаете его только из книг и допускаете некоторые невозможности. Так, например, слово „*переживать*“ не употреблялось так, как употребляет его Алевтина; переживать можно было и горе, и радость, оно употреблялось всегда с дополнением („Я пережил потрясение, счастье, смерть отца“ это только теперь „она так переживает“ значит: расстраивается, волнуется, огорчается: „Она переживает, что ее сын провалился“, „Как? Ваша жена еще переживает?“ и т.д. Это современное мещанское выражение — уже повсеместное — а не тогдашнее... было: „это человек *обязательный*“ в том смысле, что положиться можно, а вместо теперешнего „*обязательно*“ было непременно... не говорили „*представляете*“ без „себе“, если без — то „вообразите“; не говорили „к *примеру*“, но только „*например*“. Тут можете мне поверить на слово... Слово гардероб не значило тогда шкаф для платья (он назывался „*платьяной шкаф*“ или „*зеркальный шкаф*“), а гардероб — это было *самое платье*, то есть вся ваша одежда в совокупности: „мой гардероб весьма скуден, убог или богат“. Кроме того, слово „*забрать*“ означало отнять, отобрать насильно или арестовать: „его забрали“. А сейчас стали говорить: „я забрал свою шапку“ вместо „взял“. Приведенные фрагменты иллюстрируют действие в языке не только собственно лингвистических закономерностей (расширение значения, метонимический перенос по пространственной смежности, семантическое стяжение и др.), но и общих тенденций к стилистическому снижению, опрошению и даже, согласно авторской рефлексии, „омещаниванию“ языка, к отходу от норм интеллигентной речи. Показательно, что разговорное „к примеру“ проникает даже в научные тексты начинающих лингвистов-исследователей. Об активном влиянии историко-культурной среды на осмысление слова свидетельствуют и целенаправленные, от-рефлектированные явления произвольной этимологизации: *Аэроплан* — наркотик,

продаваемый в самолетах. *Галстук* — информатор в галстук. *Гейша* — завязавший со своей нетрадиционной ориентацией. *Джек-пот* — *Джек-Потрошитель* на наших улицах. *Лишайник* — член комиссии по делам несовершеннолетних. *Муфтий* — слесарь по трубам. *Пролетарий* — прогоревший бизнесмен. *Страхование* — просмотр фильма ужасов. *Феномен* — мужчина, пользующийся феном. *Штукатурка* — Турецкая тысяча» [8. С. 77].

Кроме того, с номинацией реалии в разных языках связаны различные ассоциации со словом в зависимости от условий культуры, быта, географии и т.д., и это различие в номинативной деятельности отчетливо обнаруживают явления лакунарности. Например, в случаях видо-родовых замен в языке перевода, не располагающем однословными номинациями для передачи дифференциальных признаков лексического значения слова исходного языка. Ср. фрагмент текста Н.В. Гоголя: «бережлива старушка, и *салону суждено* пролежать долго в распоротом виде, а потом достаться племяннице внучатой сестры...». Подчеркнутая номинация переводится на немецкий язык словом “Mantel”: 1. Пальто, плащ, шинель.

Как видим, здесь не отмечена и утрата ассоциаций, связанных со словом русского языка, в связи с изменением историко-культурного контекста. По словам Л. Перловского, английское слово «прайвэси» (privacy) трудно перевести на русский язык, потому что оно содержит концепцию, почти не существующую в русской культуре — концепцию человеческой личности, независимой от других людей, государства и социальных институтов» [5. С. 222].

И если «инстинкт к знанию соединяет концепции мысли с предметами и действиями», то мысль безусловно имеет для человека смысл и он «хочет выразить мысль словами... Например, русский человек, мысля о национальной гордости, говорит: «русский дух, Евразия», а слушающий воспринимает эту мысль как «Порабощение стран Восточной Европы». В этом примере у говорящего и слушающего различный жизненный опыт и одна фраза вызывает различные эмоции и имеет для них различный смысл» [5. С. 227].

Различие в типах ментальности этносов может проявляться и в эмоциях героев художественного текста по поводу словоупотребления оппонента, в разных стратегиях обращения к слову-маркеру автора и персонажа, в нарушении принципа толерантности в межкультурном взаимодействии: «Все было не по ней, все не так: и зачем Танечка чад напускает на кухне, если можно сходить поужинать в ресторан, почему *получку отбирает* у супруга вплоть до последнего *цента*, и как она *смеет говорить* про него — козел...» (В. Пьецух. Три рассказа) [7].

Разные ассоциации могут быть связаны со словом и у носителей одного языка, в зависимости от их духовного облика, субкультуры, групповой принадлежности и становления значения в онтогенезе. Так, сходные с отмеченными выше различиями в межкультурной коммуникации признаки становятся дифференцирующими значения слов в детской речи, в диалогах со взрослыми:

- *Хлеба хочешь?*
- *Да.*
- *Тебе корочку?*
- *Нет, хлеба.*

Или разожгли костер:

— *Это огонь или пожар?*

— *Это костер.* (Про себя уточняет: «Нет, это не огонь и не пожар, а костер»).

Другой диалог:

— *Наденешь пилотку?*

— *Нет, шапку.*

Спустя некоторое время: *А пилотка, что ли, тоже шапка?*

Современная языковая личность может принимать или не принимать внешние и внутренние заимствования, более того, они привлекают внимание говорящих как слова-сигналы определенного времени, слова-хронофакты. Так, индивидуально-авторские ассоциации обнаруживает лексическая структура рассказов В. Пьецуха, дающего в подстрочнике толкование тех ассоциаций, которые слово вызывает: «Переворот этот заключался в том, что ничего не стало стыдно — ни голого меркантилизма, ни жестокости, ни тяги к подлым удовольствиям, не говоря уже о том, что стало не стыдно не знать простых истин».

Здесь можно говорить и о мире ЛК-образов как отражении образа или ЛКМ (автора и персонажа) в связи с их персониферой, семантикой имен собственных и заглавия текста.

Таким образом, даже элитарная языковая личность не только оказывает влияние на среду обитания, но и испытывает обратное влияние этой среды: еще Л.С. Выготский знал, что регулирование посредством слова чужого поведения постепенно приводит к выработке вербализованного поведения самой личности [2. С. 321].

Информационная насыщенность слова и лексической структуры текста выступает следствием обработки его единиц разными типами дискурсов и отраженных в них функциональных стилей, а следовательно, разными типами мышления, знания, наборами значений и смыслов, связанных с различными ситуациями деятельности и коммуникации.

Так, рождение окказионального термина «монодиалолил» в прозе В. Аксенова связано с обусловленностью текстового фрагмента научно-популярным стилем и жанровыми особенностями лекций, прочитанных для американских студентов. Текст требует активности адресата в постижении авторского мнения о философском содержании терминов «материализм», «идеализм», «реальность». Пример монодиалолила из прозы В. Аксенова: «— Когда вы говорите „из ничего“, вы, должно быть, не имеете в виду полнейшую пустоту? Конечно. Катаев прав — ведь пустоты не существует, ведь мир же *материален*. Вы помните, он приводит надпись на памятнике Канту, появившуюся сразу после взятия Кенигсберга: «Теперь ты видишь, Кант, что мир материален». Однако мне кажется, что у господина Катаева сквозь продуманный *материализм* просвечивает стихийный *идеализм*... Но почему же? *Ведь фантазия художника — это тоже реальность*. Фантазия, быть может, не менее реальна, чем шелест листьев. Простите, но это более таинственное явление, более или менее, не правда ли? Вы шутите, сэр? О нет, я иногда полагаю, что реальные явления, окружающие нас, такие, как закат, течение рек, камни, птицы, песок, не *менее таинственны, чем фантазия*.

Общекультурную значимость разных видов информации, замыкающейся на слове, обнаруживает диффузность и энциклопедичность семантики идентифицирующих слов, прежде всего конкретных имен, имен собственных, синкретичность значения которых делает их неудобными для проведения семного анализа, но благодатным объектом анализа концептуального, культурологического.

Культурная составляющая находит свое воплощение и в реалиях обыденного сознания, преломляемых в именах собственных как в художественных текстах, как и текстах языка практического. Пример прослеживается в объяснении названия языческого праздника в газете «Аномалия»:

«Купала — праздник летнего солнцеворота.

Летний солнцеворот, макушка солнечного лета, самое красивое время года, носит на Руси емкое имя — *Купала*. *Купала* вмещает в себя такие понятия, как „купать“, „купель“, связанные с купанием, как и „купу“, „купину“ — большой сбор, ведь на этот праздник собирается много народа. В других славянских странах этот праздник носит название „собутка“, что несет в себе тот же смысл. В это время зерно скупляется в колосья, накапливает энергию. По народной молве, дети, зачатые на *Купалу*, рождаются здоровыми, красивыми и добрыми» (Аномалия, № 12 (120), 2009).

Рассмотрим следующий текст:

Redя

Мой кот по кличке Redя —

Желтый, как пустыня,

Он никому не вRedен,

Лишь хомяку противен.

Он Кеако хулиганит,

Царапается Redко,

Он дремлет на диване,

Как сытый рысь на ветке.

За нрав смиренный, Redий,

За Redкую породу,

За цвета меди морду,

Он носит имя Redька.

МатвейфМишталъ.

(ДЖД, май, 2008. № 582)

Имена собственные, как видим, будучи ключевыми словами текстового фрагмента и текста в целом, организуют его ассоциативно-семантическое поле, передающее фрагмент ЛКМ и авторскую концепцию одного из возможных миров, формирующих образный уровень текста, и выполняют в нем не только жанров (рассказ) и стиле образующую функцию, но и сюжетообразующую. Это относится к текстам языка не только практического, но и к художественной речи, где композиционно-стилистическая функция имен собственных особенно очевидна:

Почтеннейшая публика, предлагаю вашему вниманию новый аттракцион! Выступает девица собачьего племени Фенемпа Дикая!!! (Речь идет об аттракционе в вагоне метро, придуманном для заработка пенсионером Василием Степановичем)... А почему Дикая? Не намек на то, что Феня пришла из дикого собачьего племени. И тем более — не воспоминание об актере Диком, который когда-то играл в кино самого Сталина. Дикая она стала в честь Дика, ведь это Дик (пес) ее

нашел когда-то беспомощной малюткой, а не нашел бы — не было бы выступлений в метро, поздних возвращений, пьяного в Таврическом пруду (топоним создает иллюзию достоверности происходящих в повести событий, служит одним из сигналов художественного хронотопа), паралича задних лап... Вот так в жизни все цепляется одно за другое. Но пассажирской публики это решительно не касалось.

(М. Чулаки. Атракцион).

В иерархической структуре культурных ценностей этические нормы, действующие в культуре, признаются одним из важнейших критериев различения картин мира в тех или иных субкультурах (об этом уже частично шла речь в предшествующем изложении). Борьба за свою этическую позицию, свою ЛКМ порождает коммуникативную стратегию самообороны, особенно в условиях бытового, семейного и т.п. конфликтного общения, где несдерживаемая эмоция получает непосредственное выражение. Ср. фрагменты из бесед в транспорте: очень полный пожилой мужчина уступает место женщине, а та сажает свою больную внучку. Мужчина негодует, стыдит девушку. Бабушка: «Ксюша, уступи место человеку, а то ему скоро в декрет идти, он стоять не может»; в ответ на замечание пассажира «Вот поэтому они (молодежь) и садятся нам на шею» звучит реплика: «Вам это не угрожает. Садятся на умную голову». У каждой стороны своя правда, и отсутствие толерантности к ценностям другого рождает взаимное непонимание, речевую агрессию.

Культурные смыслы, утверждающие определенные этические ценности, возникающие в случаях необычных сочетаний слов или иронического использования языковых стандартов, в явлениях текстовой семантизации слова, особенно разнообразны в художественных текстах, их образной системе. Так, для выражения нетривиальной концепции автор может возвращаться к зародышу ЛК-универсалии, стоящей за словом, к ее первоначальному, буквальному и синкретичному смыслу, раскрывая содержание ключевого слова-номинации художественного текста.

Для текстовой семантизации ЛК-универсалии задействованы и стандартные причинно-следственные связи (потеря — безразличие), и вся совокупность лексикосистемных связей (от родо-видовых в передаче различных видов состояния персонажа до метонимических, связанных с перенесением особенностей восприятия мира на его реалии, и антонимических; а также связи синтагматические — формула спокойствия, безразличия с метафоризацией состояния отчуждения — и ассоциативно-деривационные), и рефлексия над словом, и указание на тему фрагмента как элемент его композиционной структуры, но апелляция к гендерному аспекту, к препозициям в характеристике мотивацией на уровне самосохранения.

Разнообразные культурные смыслы, включая и этические, просматриваются в лексической структуре художественных текстов других авторов. Так, интерпретации подвергаются культурные традиции, особенности ментальности современника, его словоупотребление, его связь с типом дискурса и статусом личности, научные термины, расширяющие набор своих концептуальных признаков и утрачивающие однозначность и точность смысла при перенесении их в иностилевую среду: «А какие у людей были *подробные отношения*. Из-за того, что телевизоры еще не появились, моя родная тетка три года переписывалась со сво-

им женихом, который жил в соседнем колхозе, потом два года его мурыжила, наконец, вышла замуж и развелась. Говорит мне потом: „Вот что значит *скоро-спелые браки*“. Как-то я впопыхах не обратила внимания, что он всю *дорогу* выговаривает «магАзин»... Кеша: «А что такое, по-вашему, русский *интеллигент*? Я: Наверное, это такая степень любви к самому себе, которая обеспечивает почтительное отношение к последнему паучку...»

По причине такой *избыточной и прихотливой витальности* (грабежи, убийства, пьянство) того оказалось мало, что «один Сергей Христофорович Свистунов охранял по ночам *церковное имущество...*» (В. Пьецух. Три рассказа) [7].

Итак, ЛКМ как комплексный образ конкретного текста или образ этноса находится в коррелятивных отношениях с мирами образов, создаваемых в конкретных ситуациях общения, в лексической структуре иных текстов.

ЛК-универсалия, наряду с ЛК-образом, является единицей ЛКМ и в этом качестве представляет особый интерес. Однако нелимитируемость ЛК-универсалии особенно очевидна при обращении к невербализуемым личностным смыслам индивидуального авторского сознания. Да и само понятие ЛК-универсалии оказывается востребованным в свете представлений об объективности идеального, оно появилось как вызов на стратегии семантики возможных миров и виртуальной реальности. Именно их неисчерпаемость и принципиальная неисчислимость признаков ЛК-универсалии позволяет рассматривать ее как элемент дискурса определенного типа.

Соотношение ядерной и интерпретационной части универсализированного поля оказывается разным в разных типах дискурса, в одних ядерная часть просматривается с достаточной определенностью, в других преобладает интерпретационное поле. Первый случай обнаруживается в попытке истолковать национально-специфическое содержание ЛК-универсалии в отличие от способов универсализации явления в инокультурной общности.

В этом плане лексическую разработку концепта *дружба* у М. Эпштейна «Для нас дружба — это, прежде всего доверительное общение, взаимная исповедь, осознание братства и совместной устремленности к высшему началу. И лишь в последнюю очередь это партнерство, партнерские отношения, восходящие к рыцарскому воинскому товариществу. Но ведь именно этот рыцарский союз и есть дружба в собственном, узком смысле слова, подобно тому, как любовью в узком смысле слова называется чувство между мужчиной и женщиной, а не братская привязанность» [9. С. 42].

Способами экспликации концепта здесь выступают предикатные структуры, ассоциативные поля ключевых слов *дружба* и *любовь* — номинаций концепта. Иерархия признаков, позволяющих отграничить ядро и базовую часть концепта от интерпретационного поля, раскрывается текстовыми маркерами типа «прежде всего», в «последнюю очередь», ссылками на «собственный, узкий смысл» слов, историко-культурные реалии, родившие концепт. Но имена собственные персониферы культуры могут передавать и базовые признаки ЛК-универсалии, тогда как нарицательные связываются с признаками, относимыми к интерпретационному полю ЛК-универсалии, с чем мы, например, сталкиваемся в художественном дискурсе в построении поля лексемы «гармония»: «Снегопад. Чуть видны березы

над оврагом. Улица становится белой, словно она деревенская, с колеями от колес. Всю жизнь, как опустится снежный занавес, замирает душа, будто перед нею долгожданный предел, за которым невыразимая печальная красота. Снегопад представляется весь сразу, как он накрывает далекие поля со стогами, притихшие леса, безлюдные, с дымками из труб деревни...Как уместна здесь музыка, скажем, второй струнный квартет Бородина! И камерные шедевры Петра Ильича Чайковского здесь всегда хороши, Шуберт и Брамс, конечно, тоже. Как соединится музыка с бесконечным шелестом снега, так и не захочешь завтра, не захочешь продолжения, неспособного стать таким вот совершенством» (Г. Новожилов. Другие жизни).

Вообще интерпретационное поле ЛК-универсалии преобладает в текстах, связанных с выражением личностных смыслов, необычного мироощущения и мировидения, адекватно переданных лексической структурой текста.

К сказанному можно добавить, что состояние сознания и одного человека не остается неизменным, как и его ЛКМ во всех своих составляющих.

Большинство исследователей согласны с тем, что одним понятием не исчерпывается содержание лексического концентратора смысла, однако пути их разведения оказываются различными. Так, в попытке отграничить понятия от других типов концептов, таких, как представление, схема, прототип, З.Д. Попова и И.А. Стернин считают понятие «преимущественным отражением научной и производственной сфер деятельности (терминология)» [6. С. 72].

Еще более значимо интерпретационное поле ЛК-универсалии при переконцептуализации уже известных явлений и реалий, создании новых гипотез и концепций, нарушающих привычные представления и прогнозирующих новые возможные миры. Так, по представлениям Поповой и Стернина, концепт «свобода» включает в себя и языковую свободу, позволяющую мыслить стереоскопически: «Возможно, стерео-текстуальность — это будущее человеческого общения, когда языки будут служить не заменой, а дополнением один другому. Вместо перевода, поиска эквивалентов, возникает деятельность сведения, и разведения языков для выражения одной мысли, которая, таким образом, обнаруживает новые смыслы в процессах своих языковых перевоплощений. Стереотекст — это наложение разноязычных текстов для более рельефного, «слоисто-глубинного» представления одного комплекса идей» [6. С. 121].

В этих ориентациях лексический концентратор смысла с его интерпретационным полем может быть представлен как один из видов протеизма информации, если иметь в виду его устремленность в будущее. «Цивилизация будущего протейна, поскольку она состоит из потоков энергии и информации, легко меняющих свою материальную форму в конкретных условиях своего прохождения через ту или иную среду» [3. С. 77].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, система лексических концентраторов в тексте иерархична и, говоря образно, устроена по принципу матрешки. Менее значимые концентраторы взодят в поле более значимых.

Однако вся эта иерархия не статична. Так или иначе ЛК-универсалия может быть осмыслена с позиций синергетики как науки о саморазвивающихся системах. Иными словами, на ЛК-универсалию можно взглянуть в ракурсе иной научной парадигмы. Несмотря на то, что литературный (написанный и напечатанный) текст объективно статичен, его лексические концентраторы дополняются новыми смыслами по мере развития культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Бахтин М.М.* (1994). Проблемы поэтики Достоевского [*Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's poetics*]. Киев.
- [2] *Выготский Л.С.* (1982). Мышление и речь [*Vygotsky L.S. Thinking and speech*] // Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 т. Т. 2. Москва.
- [3] *Кочергин А.Н.* (1996). Философия и глобальные проблемы [*Kochergin A.N. Philosophy and Global Problems*]. Москва.
- [4] Первая Всероссийская конференция по когнитивной науке [First All-Russian Conference on Cognitive Science] (2004). Казань.
- [5] *Перловский Л.* (2003). Сознание, язык и математика [*Perlovskiy L. Consciousness, language and mathematics*] // Звезда. № 2.
- [6] *Попова З.Д., Стернин И.А.* (2007). Семантико-когнитивный анализ языка. Морфология [*Popova Z.D., Sternin I.A. Semantic and Cognitive Analysis of Language. Morphology*]. Воронеж: изд-во «Истоки».
- [7] *Пьецух В.* (1995). Драгоценные черты [*Petsuh V. Precious features*] // Дружба народов. № 5, 6.
- [8] *Чуковская Л.* (1981). Переписка [*Chukovskaia L. Correspondence*]. Москва.
- [9] *Эпштейн М.* (2001). Debut end siecle // Знамя № 5.
- [10] Философский энциклопедический словарь (1989). [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. М.: Советская энциклопедия.

THE LEXICAL HUB OF CONTENT IN THE PROCESS SELF-ORGANIZATION OF TEXT AND DISCOURSE ON THE BACKGROUND OF SENEGALESE TRADITION

Faye Fatou Diop

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2a, Moscow, Russia
Faya2010@mail.ru

The article deals with a hierarchical system of lexical hub of the content of the text, as part of the coatings of the author, formed in the process of creation of text, reflecting, on the one hand, the language personality of the author, and on the other hand, are created by the author of the text possible worlds. In this sense, the lexical hub of the content of synergies and prone to self-development in the process of creation.

Key words: lexical hubs, text, linguocultural universal, linguocultural picture of the world, linguocultural image, information saturation, interpretative field